
На пути к религиозной метафизике: критика ницшеанского нигилизма в философии С.Н. Булгакова*

© 2021 г. И.Ю. Ильин

*Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4.*

E-mail: ivan.yurilin@gmail.com

Поступила 09.03.2021

Философские воззрения Фридриха Ницше оказали серьезное влияние на русскую мысль Серебряного века. В статье показывается, что одним из испытавших влияние немецкого мыслителя был С.Н. Булгаков, несмотря на то что в своих сочинениях он практически не рассматривал философию Ницше специально. В отличие от ряда других современников, находившихся под большим впечатлением от сочинений Ницше, Булгаков не воспринял философию базельского профессора комплементарно, а отнесся к ней критически. В работе выдвигается и обосновывается тезис о ключевой важности фигуры Ницше для Булгакова в 1900–1910-е гг. Философия Ницше во многом становится для русского мыслителя «отрицательным» основанием: ее критика позволяет Булгакову во многом сформулировать положения собственной, религиозно окрашенной идеалистической метафизики. Булгаков трактует Ницше исключительно как антихристианина и атеиста. Впоследствии, когда Булгаков переходит к построению религиозно-метафизической системы, отсылки к Ницше исчезают – его идеи теряют для Булгакова свою онтологическую значимость и полемическую актуальность.

Ключевые слова: философия религии, русская мысль, религиозная метафизика, Ницше, нигилизм, иррационализм, С.Н. Булгаков.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-130-137

Цитирование: *Ильин И.Ю.* На пути к религиозной метафизике: преодоление ницшеанского нигилизма в философии С.Н. Булгакова // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 130–137.

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Towards Religious Metaphysics: Overcoming Nietzschean Nihilism in Sergei Bulgakov's Philosophy*

© 2021 Ivan Yu. Ilin

*International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue,
National Research University Higher School of Economics,
21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.*

E-mail: ivan.yurilin@gmail.com

Received 09.03.2021

Friedrich Nietzsche's philosophical views had a serious impact on the Russian thought of the Silver Age. In this article I show that one of those influenced by the German thinker was Sergei Bulgakov, despite the fact that in his writings he practically did not consider the philosophy of Nietzsche by itself. Unlike a number of other contemporaries who were greatly impressed by the works of Nietzsche, Bulgakov did not take his philosophy in a complementary way, but took it critically. The article puts forward and substantiates the thesis about the key importance of the figure of Nietzsche for Bulgakov in 1900–1910. Nietzschean philosophy in many ways becomes for the Russian thinker the “negative” basis, criticism of which allows Bulgakov to formulate in many respects the provisions of his own, religiously tinged idealistic metaphysics. Bulgakov treats Nietzsche exclusively as an anti-Christian and atheist. Subsequently, when Bulgakov proceeds to build his religious-metaphysical system, references to Nietzsche disappear: his ideas lose their ontological significance and polemical relevance for Bulgakov.

Keywords: philosophy of religion, Russian thought, religious metaphysics, Nietzsche, nihilism, irrationalism, Sergei Bulgakov.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-130-137

Citation: Ilin, Ivan Yu. (2021) “Towards Religious Metaphysics: Overcoming Nietzschean Nihilism in Sergei Bulgakov's Philosophy”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2021), pp. 130–137.

На рубеже XIX–XX вв. русская мысль была настолько очарована Фридрихом Ницше, что это позволило Н. Бердяеву (а вслед за ним и некоторым современным исследователям) говорить о Ницше как об одном из (наравне с Вл. Соловьевым) «отцов» Серебряного века [Бердяев 1990, 246; Бонецкая 2016, 6]¹. Масштабная рецепция и адаптация ключевых идей автора «Заратустры» породила феномен «русского Ницше» – прочтения его как бы «наоборот» – наперекор *антихристианскому* пафосу, открыто декларируемому самим Ницше, – как *религиозного* мыслителя, пророка *нового*, «апокалиптического» христианства² [Бонецкая 2016, 9–222]. Шестов, Мережковский, Бердяев, Франк, А. Белый, Вяч. Иванов, Блок – вот далеко не полный список мыслителей и поэтов «первого ряда», которые явно комплементарным образом интерпретировали Ницше, зачастую развивая на фундаменте его идей собственные философские или мистико-символические воззрения.

* The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

Булгаков и Ницше

Сергей Николаевич Булгаков не попал под «чары» Ницше и, в отличие от упомянутых выше фигур Серебряного века, не посвятил автору «Антихриста» ни одной специальной работы – факт, из которого некоторые исследователи делают радикальный вывод, что Булгаков «не уделял специального внимания учению Ф. Ницше и не испытал его влияния» [Фаритов 2019, 9]. В самом деле, Булгаков не был захвачен учением Ницше так, как, например, Шестов или Бердяев, услышавшие в его философии мотивы, созвучные их мироощущению [Синеокая 2001, 18].

Но Булгаков – мыслителя, в котором сочетались методологические установки немецкой классики и знание восточнохристианского богословия, антиметафизический и «революционный» пафос Ницше не привлекал. Булгакову не нравилась установившаяся в России мода на Ницше³ (и, возможно, он не писал работ, специально посвященных немецкому мыслителю, не желая способствовать еще большему распространению его идей). Вместе с тем «влияние» может заключаться не только в заимствовании, но и в активном неприятии. Именно в качестве подобного негативного основания Ницше и фигурирует (причем весьма часто) в работах Булгакова первого и отчасти второго десятилетия XX в., – у него можно найти следующие «русско-ницшевские» параллели разной степени проработанности: Ницше – Толстой; Ницше – Достоевский; Ницше – Герцен; Ницше – Леонтьев; Ницше – Чехов; Ницше – Иван Карамазов. И все это, не считая других текстов этого периода. Для Булгакова Ницше является персонализированной квинтэссенцией тех «-измов», которые он активно критикует: атеизма и антропотеизма, нигилизма и иррационализма, элитизма и аморализма. Анализ ницшевских воззрений имплицитно присутствует в тех произведениях Булгакова, которые на первый взгляд посвящены совершенно другим героям (Фейербах, Маркс) и другим сюжетам. В этой связи более справедливым нам представляется следующий тезис: Ницше для Булгакова 1900–10-х гг. оказывается «второй по значимости после Маркса “негативной” философской величиной, поскольку только эти два мыслителя смогли увлечь своими радикальными антирелигиозными идеями невиданные доселе массы последователей и создать действенную угрозу безраздельному господству христианства в умах европейцев» [Евлампов 2003, 21].

Можно спорить о том, действительно ли Ницше создал такую угрозу или же он являлся скорее тем, кто «возвещает о катастрофе сознания человека европейской культуры XIX века» [Жукова 2017, 586], – катастрофе, которая находит отражение в разворачивающемся кризисе «оснований»: в культуре, гуманитарных науках, искусстве, религии и философии.

Согласно одной из точек зрения, отражающей герменевтическую стратегию «религиозного» прочтения Ницше, Булгаков выказал «удивительную слепоту в восприятии главнейших идей Ницше» и воспроизвел «самые банальные, почти вульгарные интерпретации “ницшеанства”» [Евлампов 2003, 21]⁴. Булгаковским «вульгарным» интерпретациям при этом в качестве примера противопоставляются «конгениальные» гуманистические трактовки ницшеанства Шестовым и Франком. Однако нельзя не признать: такого «пограничного» мыслителя, как Ницше, будут прочитывать и гуманистически, и, с не меньшим успехом, относить к антигуманистам⁵.

Булгаков о Ницше: антигуманист, атеист, больной человек

В короткой рецензии 1904 г. на книгу Е.Н. Трубецкого «Философия Ницше» Булгаков отмечает: «... “самая интересная сторона философии Нитцше заключается в том, что он понял атеизм как основную проблему всей своей жизни и мысли”... и попытался провести его с неустрашимой последовательностью мыслителя» [Булгаков 2009, 367], а в результате «вынужден был отрицать и истину, и разум, и нравственность... С этой точки зрения философское учение Нитцше получает весьма серьезное значение,

и душевная драма человека, его выстрадавшего, становится близка и понятна современному человеку» [Булгаков 2009, 367].

Как видим, для Булгакова определяющее значение имеет именно атеизм Ницше. Что касается самого Булгакова, к этому моменту уже перешедшего на позиции идеализма, то он видит в человеке *прежде всего* существо религиозное. Религия при этом понимается Булгаковым как своего рода «ядро» внутренней жизни человека, выраженное в ценностных и мировоззренческих установках: «...истинно, подлинно и единственно человеческой стихией является его религия, понимаемая, конечно, в самом широком смысле слова: чем он живет, что он считает для себя самым святым и дорогим, и как он живет, как служит своей святыне. Узнать человека – значит узнать его религиозную жизнь» [Булгаков 2006а, 539].

Очевидно, что при таком широком понимании религии, вне-религиозного сознания для Булгакова не существует: есть только два пути самоопределения – теизм, находящий свое завершение в христианстве, и пантеизм, завершаемый религией человекобожия и антихристианством [Булгаков 2008, 57]. Атеизм есть «религия навыворот». Это не омертвление религиозного чувства, но неправильная его ориентация: отклонение, которое, усугубляясь, ввергает в безумие. Остановить процесс помогает «заполнение пустоты»: атеизм трансформируется в антропотейзм «с его обещанием земного блаженства взамен небесного» [Давыдов 2008, 11] или же в ницшевское ожидание сверхчеловека. Поэтому Ницше для Булгакова – прежде всего *больной* человек, тот, у которого *болит* внутри и которому не дает покоя его атеистически-богоборческая *религиозность*: испытывая душевную драму, он пытается преодолеть ее со всей «страстностью» и «искренностью», но двигается в сумасшествие, а «другого пути из философии Ницше нет и быть не может» [Булгаков 2006б, 472].

«Захлопнув» окно в трансцендентное, Ницше неизбежно приходит к тому, что Булгаков называет *теорией аморализма*. Это мировоззрение, пропагандируемое Ницше (а также присущее, согласно Булгакову, Ивану Карамазову и Герцену), подразумевает отрицание этического равенства людей, различие морали рабов и господ, «философский нигилизм» («не только полная философская беспринципность, но возведение этой беспринципности в принцип» [Булгаков 2006а, 558]), анти-общественность и эгоизм. У Ницше «на место: люби ближнего, было поставлено: *sei hart*, “падающего толкни”. На место демократического учения об этической равноценности людей было провозглашено учение об их разноценности, об исключительной, высшей или единственной ценности избранных сверхчеловеков, аристократов, для которых остальное человечество является только пластическим материалом [Булгаков 2008, 97–98].

Конечно, сводить всю этику Ницше к означенным пунктам значит как минимум упрощать, а то и искажать ее. Но Булгаков и не скрывает того, что Ницше интересует его *лишь в одном аспекте*: он провозвестник атеистического нигилизма – мировоззрения, стремящегося ввергнуть мир в пучину этического хаоса. Возможно, действительно слух Булгакова «был слишком “топорным и немзыкальным”, чтобы разгадать в *этой* тональности поиск новой религиозности или контуры возвышенного, пусть и антирелигиозного, гуманизма» [Порус 2006, 15–16]. И все же ответить на вопрос о том, понял ли Булгаков Ницше, нельзя, не поставив вопроса о самих основаниях булгаковской мысли.

Темой, которая красной нитью проходит через все творчество Булгакова, является тема *связи* человека с Богом, а точнее – *восстановления* этой связи. Говоря *богословски*, речь идет об утверждении реализма Бого-человеческого общения, говоря *философски* – о восстановлении подлинного отношения между трансцендентным и имманентным, преодоления пропасти, возникшей в результате отпадения мира от Бога.

На философских путях осуществления этой задачи Булгаков последовательно движется от *критики* к *систематике*. Критика включает философско-социологический разбор комплекса учений, которые, как считает Булгаков, окончательно порывают с трансцендентным и замыкают человеческое сознание на нем самом: это, разумеется,

Кант, «отец идеалистического человекобожия» [Булгаков 1993, 464], на мысли которого он подробно остановится в «Свете Невечернем» и в «Трагедии философии»; Фейербах, оформляющий человекобожие в религию; и распространившие эту религию в массах Конт и Маркс. Можно предположить, что похожим образом (по крайней мере, на определенном этапе) оценивает Булгаков и Ницше, но последний для него – еще и один из тех мыслителей, кто отделяется от руслу «атеистической религии» обожествленного человечества и начинает ему противодействовать. «Генеалогия» «атеистической религии» представляет собой, таким образом, не линию преемственности, а *противостояние*: «Все его (антропотейзма. – И.И.) представители, без различия оттенков, оказываются принципиально противоположны более радикальным атеистам Ницше и Штирнеру, которые во имя атеизма отвергают антропотейзм и, отрицая небесного Бога, не хотяя и земного божества» [Булгаков 2008, 99]. Штирнеровско-ницшеанский нигилизм был неприятен Булгакову еще больше, чем атеизм их более «умеренных» оппонентов: «Внутренняя и необходимая диалектика атеизма ведет поэтому от антропотейзма к религиозному нигилизму, к отрицанию всякой святости, всякой ценности» [там же, 101].

Тем не менее точки пересечения между Булгаковым и Ницше есть: оба мыслителя стремятся к одному и тому же – преодолению *обычного* человека. Но если Булгаков следует традиции восточного христианства – для него преодоление человека, «теозис», осуществляется на путях веры и Церкви, – то у Ницше речь идет только о своего рода антиметафизической апофатике – о выходе в метафизическую пустоту при невозможности дать позитивное определение сверхчеловека [Фаритов 2019, 15]. «В этой точке слома европейской метафизики... русская религиозная философия обращается к истокам и восстанавливает утраченное содержание философской мысли» [там же].

Восстановление трансцендентно-имманентной связи

Но что означает это «обращение к истокам»? Желает ли Булгаков «отменить» модерн и вернуться в Средневековье (см., например [Евлампович 2003, 22]), или все же осознавая необходимость восстановления единства трансцендентного и имманентного посредством поиска новых решений и нового языка, он обращен в будущее? Истина, как обычно, лежит где-то посередине: позиционируя свою мысль как продолжение традиции, в первую очередь святоотеческой, Булгаков пытается расширить и дополнить ее, став, по сути, первым православным мыслителем, который предложил то, что Флоровский позже назовет неопатристическим синтезом [Papanikolaou 2013, 540].

«Смерть Бога», которую возвещает Ницше, сообщает о разорванности той связи, на восстановлении которой так настаивает Булгаков. Мир, потерявший связь с трансцендентным, несет угрозу всем фундаментальным ценностям, на которых, строго говоря, и держится. Отвечая на этот вызов, Булгаков последовательно выстраивает собственную метафизическую систему – *христианскую философию Бога и мира*, в основе которой лежит *мифологема Софии*. Как отмечает С.С. Хоружий, «философия о. Сергия развивалась “снизу”, от экономической проблематики и философского учения о хозяйстве... к общему учению о материи и о мире, уже вьвяв опирающемся на определенные постулаты о связи мира и Бога, но еще не делающему сами эти постулаты предметом особого анализа... и, наконец, к развернутой богословской системе, дающей окончательное решение исходной задачи оправдания мира» [Хоружий 2020, 19–20].

Это оправдание мира или, иначе говоря, дискурсивное обоснование Богочеловечества у Булгакова центрируется в *онтологическом аспекте* вокруг понятия Софии, а в *аспекте гносеологическом* – вокруг понятия религиозной веры (см. об этом [Ильин 2020]).

«Антропологическому принципу» Фейербаха (и «сверхчеловеческому принципу» Ницше) Булгаков противопоставляет принцип «теоантропологический», заключающийся «в сущностном безразличии Бога к человеку ввиду их “сообразности”» [Роднянская 2003, 37]. Этот принцип, с одной стороны, говорит о кенозисе Христа, о Его искупительной жертве: пропасть между имманентным и трансцендентным преодолевается в таинственном событии Боговоплощения. С другой – «трактует проблему... уподобления человеческой личности Богу, теозиса, предвосхищая идеальное состояние земного человечества, его софийное состояние как предел исторического становления» [Козырев 2014, 65–66]. Задача человека, таким образом, заключается в том, чтобы актуализировать в себе, посредством бытия в Церкви, потенцию Богочеловечества. На этом пути и происходит преодоление того кризиса, о котором так неистово возвещал Ницше.

Примечания

¹ О рецепции Ницше в русской мысли Серебряного века см., например: [Мотрошилова, Синеокая (сост.) 1999; Синеокая 2001; Кондаков, Корж 2000; Grillaert 2008].

² Интерпретации русских мыслителей предвосхитили здесь, на наш взгляд, идею «смерти автора». В «обратном» чтении Ницше они стали первыми, но далеко не последними: в трудах многих современных западных теологов и философов религии Ницше понимается схожим образом (краткий обзор см. в [Shearn, 2016]).

³ «Ницше, как известно, имел несчастье сделаться у нас модным писателем, причем находится не мало последователей, извращающих его учение в угоду своим собственным мнениям или же просто превращающих книги Ницше в арсенал красивых цитат и эпиграфов» [Булгаков 2009, 367–368].

⁴ Детальную критику аргументов см. [Порус 2006].

⁵ Иногда еще говорят о сверхгуманизме Ницше.

Источники – Primary Sources

Бердяев 1990 – *Бердяев Н.А.* Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990 (Berdyayev, Nikolai A., *The Russian Idea*, in Russian).

Булгаков 1993 – *Булгаков С.Н.* Человекобог и человекозверь. По поводу последних произведений Л.Н. Толстого: «Дьявол» и «Отец Сергей» // *Булгаков С.Н.* Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 458–498 (Bulgakov, Sergei N., *Human-God and Human-Animal*, in Russian).

Булгаков 2006а – *Булгаков С.Н.* Душевная драма Герцена // *Булгаков С.Н.* От марксизма к идеализму. М.: Астрель, 2006. С. 538–570 (Bulgakov, Sergei N., *Herzen's Spiritual Drama*, in Russian).

Булгаков 2006б – *Булгаков С.Н.* Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. М.: Астрель, 2006. С. 463–491 (Bulgakov, Sergei N., *Ivan Karamazov as a philosophical type*, in Russian).

Булгаков 2008 – *Булгаков С.Н.* Два града. Исследования о природе общественных идеалов. М.: Астрель, 2008 (Bulgakov, Sergei N., *Two Cities. A Study on the Nature of Social Ideals*, in Russian).

Булгаков 2009 – [Рец.:] Кн. Евгений Трубецкой. Философия Ницше // Колеров М.А., Плотноков Н.С. Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2006–2007 год. М.: Модест Колеров, 2009. С. 367–368 (Bulgakov, Sergei N., *Review of E. Trubetskoy's "Nietzsche's Philosophy"*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Бонецкая 2016 – *Бонецкая Н.К.* Дух Серебряного века (феноменология эпохи). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

Давыдов 2008 – *Давыдов Ю.Н.* Апокалипсис атеистической религии (С.Н. Булгаков как критик революционистской религиозности) // *Булгаков С.Н.* Два града. Исследования о природе общественных идеалов. М.: Астрель, 2008. С. 3–51.

Евлампиев 2003 – *Евлампиев И.И.* Религиозный идеализм С.Н. Булгакова: «за» и «против» // С.Н. Булгаков: pro et contra. Т. 1. СПб.: РХГИ. С. 7–59.

Жукова 2017 – *Жукова О.А.* Философия русской культуры. Метафизическая перспектива чело- века и истории. М.: Согласие, 2017.

Ильин 2020 – Ильин И.Ю. Религиозная философия как опыт богопознания: С.Н. Булгаков и С.Л. Франк о взаимоотношении философии и религии // История философии. 2020. Т. 25 (2). С. 29–39.

Козырев 2014 – Козырев А.П. Богочеловечество // Русская философия. Энциклопедия / Под ред. М.А. Маслина. М.: Terra-Книговек, 2014. С. 65–66.

Кондаков, Корж 2000 – Кондаков И.В., Корж Ю.В. Фридрих Ницше в русской культуре Серебряного века // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 176–186.

Мотрошилова, Синеокая (сост.) 1999 – Ф. Ницше и философия в России / Сост. Н.В. Мотрошилова, Ю.В. Синеокая. СПб.: РХГИ, 1999.

Порус 2006 – Порус В.Н. Неизбывная актуальность предостережений С.Н. Булгакова // Русское богословие в европейском контексте: С.Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль / Под ред. Н.В. Поруса. М.: ББИ, 2006. С. 9–30.

Роднянская 2003 – Роднянская И.Б. Сергей Николаевич Булгаков – отец Сергей: стиль мысли и формы мысли // С.Н. Булгаков: Религиозно-философский путь: Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения / Под ред. А.П. Козырева. М.: Русский путь, 2003. С. 29–43.

Синеокая 2001 – Синеокая Ю.В. Российская ницшеана // Ницше: pro et contra. Т. 1 / Сост. Ю.В. Синеокая. СПб.: РХГИ. С. 2–30.

Фаритов 2019 – Фаритов В.Т. Пути русской религиозной философии в свете кризиса европейской метафизики: С.Н. Булгаков и Ф. Ницше // Философская мысль. 2019. № 3. С. 8–19.

Хоружий 2020 – Хоружий С.С. София – Космос – Материя: устои философской мысли отца Сергия Булгакова // Сергей Николаевич Булгаков / Под ред. А.П. Козырева. М.: Политическая энциклопедия, 2020. С. 9–45.

References

Bonetskaia, Natalia K. (2016) *Spirit of the Silver Age (Phenomenology of an Era)*, Tsentr Gumanitarnikh Initsiativ, Moscow, St. Petersburg (in Russian).

Davydov, Iurii N. (2008) “Apocalypse of Atheistic Religion (S.N. Bulgakov as a Critic of Revolutionary Religiosity)”, Bulgakov, Sergei N., *Two Cities. Research on the Nature of Social Ideals*, Astrel, Moscow, pp. 3–51 (in Russian).

Evlampiev, Igor I. (2003) “Religious Idealism of S.N. Bulgakov: “for” and “against””, Evlampiev, Igor I., comp., *S.N. Bulgakov: pro et contra*, Vol. 1, RKhGI, Saint-Petersburg, pp. 7–59 (in Russian).

Faritov, Viacheslav T. (2019) “The Paths of Russian Religious Philosophy in the Light of the Crisis of European Metaphysics: S.N. Bulgakov and F. Nietzsche”, *Filosofskaiia mysl*, Vol. 3, pp. 8–19 (in Russian).

Grillaert, Nel (2008) *What the God-seekers Found in Nietzsche: The Reception of Nietzsche's Übermensch by the Philosophers of the Russian Religious Renaissance*, Rodopi, Amsterdam, New York.

Ilin, Ivan Yu. (2020) “Religious Philosophy as an Experience of Knowledge of God: Sergei Bulgakov and Semyon Frank on the Relationship between Philosophy and Religion”, *Istoria filosofii*, Vol. 25 (2), pp. 29–39 (in Russian).

Khoruzhiy, Sergey S. (2020) “Sophia – Space – Matter: Foundations of the Philosophical Thought of Father Sergiy Bulgakov”, Kozыrev, Alexey P., ed., *Sergei Nikolaevich Bulgakov*, Political Encyclopedia, Moscow, pp. 9–45 (in Russian).

Kozыrev, Aleksei P. (2014) “God-manhood”, Maslin, Mikhail A., ed., *Russian Philosophy. Encyclopedia*, Terra-Knigovek, Moscow, pp. 65–66 (in Russian).

Kondakov, Igor V., Korzh, Iulia V. (2000) “Friedrich Nietzsche in the Russian Culture of the Silver Age”, *Social Sciences and Modernity*, Vol. 6. pp. 176–186 (in Russian).

Motroshilova, Nelli V., Sineokaia, Iulia V., eds (1999) *F. Nietzsche and Philosophy in Russia*, RKhGI, Saint-Petersburg (in Russian).

Papanikolaou, Aristotle (2013) “Eastern Orthodox Theology”, Meister, Chad, Beilby, James, eds., *The Routledge Companion to Modern Christian Thought*, Routledge, London, New York, pp. 538–548.

Porus, Vladimir N. (2006) “The Unrelenting Urgency of S.N. Bulgakov's Warnings”, Porus, Vladimir N., ed., *Russian Theology in a European Context: S.N. Bulgakov and Western Religious and Philosophical Thought*, BBI, Moscow, pp. 9–30 (in Russian).

Rodnianskaia, Irina B. (2003) “Sergei Nikolaevich Bulgakov – Father Sergius: Style of Thought and Forms of Thought”, Kozыrev, Alexey P., ed., *S.N. Bulgakov: Religious and philosophical path: International scientific conference dedicated to the 130th anniversary of his birth*, Russkii put, Moscow, pp. 29–43 (in Russian).

Shearn, Samuel (2016) “Charles Taylor, Nietzsche and Theology in A Secular Age”, Zemmin, Florian, Jager, Colin, Vanheeswijck, Guido, eds., *Working with A Secular Age: Interdisciplinary Perspectives on Charles Taylor's Master Narrative*, De Gruyter, Berlin, pp. 263–282.

Sineokaia, Iulia V. (2001) "Russian Nietzscheana", Sineokaia, Iulia V., ed., *Nietzsche: pro et contra*, Vol. 1, RKhGI, Saint-Petersburg. pp. 2–30 (in Russian).

Zhukova, Olga A. (2017) *Philosophy of Russian Culture. Metaphysical Perspective of Man and History*, Soglasie, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

ИЛЬИН Иван Юрьевич –
магистр теологии, аспирант
Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ,
стажер-исследователь Международной
лаборатории исследований русско-европейского
интеллектуального диалога НИУ ВШЭ.

Author's Information

ILIN Ivan Y. –
MA in Theological Studies,
Doctoral student at School of Philosophy
and Cultural Studies of HSE University,
Research assistant at International Laboratory
for the Study of Russian and European
Intellectual Dialogue of HSE University.